

Религиоведение. 2025. № 1. С. 115–121.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2025. No. 1. P. 115–121.

DOI: 10.22250/2072-8662-2025-1-115-121

Косенков А.Ю.

ГНУ «Институт философии» НАН Беларуси
Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова ½
sanya.kosenkov.94@mail.ru

Социология / Sociology
of Religion
религии

Сетевой подход в исследовании религии: характеристика, результаты и перспективы развития

Аннотация. Сетевой подход обладает эвристическим и теоретико-методологическим потенциалом в познании религии, что подтверждает анализ результатов сетевых исследований, интерес к нему со стороны ряда специалистов (религиоведов, социологов, историков религии), а также появление работ, предметом которых становятся религиозные структуры, формируемые за пределами западных обществ. Сетевыми исследователями используется специфический понятийный аппарат и методология (теория графов), которые позволяют расширить представления о феномене, предложить новую исследовательскую оптику познания религиозных объектов, явлений и процессов. При этом анализ корпуса исследований, в которых используется сетевой подход, позволяет заключить, что он применим, в первую очередь, в познании структурно-организационных и информационных измерений религии: процессов распространения религиозных идей; механизмов формирования, функционирования и распада религиозных структур; в выявлении взаимосвязей между характеристиками сетей и благосостоянием, психологическим здоровьем их членов и т.д. Данное обстоятельство делает сетевой подход ограниченной, но при этом эффективной при решении определённого спектра задач исследовательской стратегией познания религии. В завершении замечено, что, несмотря на возрастающий интерес к феномену сети на постсоветском пространстве, авторами в полной мере не используются сложившиеся в рамках парадигмы понятийный аппарат и методология, а также зачастую игнорируются результаты, полученные зарубежными авторами. Потому в качестве наиболее оптимальных направлений развития подхода в познании религии рассматриваются: обращение к зарубежному корпусу сетевых исследований; активное применение специалистами-гуманитариями сетевой методологии (прежде всего, теории графов); проведение прикладных исследований, предметом которых станут конкретные религиозные объекты и процессы.

Ключевые слова: сеть, сетевая парадигма, сетевой подход, религиозные группы, теория графов, методология познания религии

Alexander Y. Kosenkov

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus
½ Surganova st., Minsk, Republic of Belarus
sanya.kosenkov.94@mail.ru

Network Approach in the Study of Religion: Characteristics, Results and Development Prospects

Abstract. The network approach has heuristic and theoretical-methodological potential in the knowledge of religion, which is confirmed by the results of network research and the interest of a number of specialists, including religious scholars, sociologists, and historians of religion, as well as the appearance of works the subject of which are religious structures formed outside Western societies. Network researchers use a specific conceptual frameworks and methodologies, such as graph theory, which allow them to expand their understanding of religious phenomena and offer new perspectives for the study of religious objects, processes, etc. At the same time, an analysis of research using the network approach confirms its applicability primarily in understanding the structural, organizational, and informational dimensions of religion, including the processes of spreading religious ideas; mechanisms of formation, functioning and collapse of religious structures; identifying relationships between the characteristics of networks and the well-being, psychological health of their members, etc. This circumstance makes the network approach limited, but effective at the same time when solving a range of problems in research strategies for studying religion. It is noted that, despite the growing interest in the network phenomenon in the post-Soviet space, authors do not use conceptual apparatus and methodologies developed within the paradigm, and the results obtained by foreign authors are often ignored. Therefore, the following are considered the most optimal directions for developing approaches

to the study of religion: turn to the body of foreign network research, active use of network methodology by humanities specialists (primarily, graph theory), conducting applied research on specific religious objects and processes.

Key words: network, network paradigm, network approach, religious groups, graph theory, methodology of study of religion

В науке и философии сформировался корпус работ, предметом которых являются сети. Появление ряда исследований, объединяемых предметом, специфическим понятийным аппаратом и методологией, позволяет говорить о формировании сетевой парадигмы. В центре внимания её представителей оказывается широкий спектр объектов, явлений и процессов, в том числе и религия. В статье будет дана общая характеристика сетевой парадигмы, продемонстрированы направления исследований религии и полученные результаты, а также выявлены его преимущества и недостатки в познании феномена.

Сетевая парадигма: общая характеристика. Несмотря на то, что сеть стала одним из важнейших концептов современных социально-гуманитарных наук, история сетевой парадигмы берёт начало в прошлом столетии. К наиболее важным авторам, заложившим её концептуальный фундамент, исследователи относят психологов Дж. Морено (разработал социометрические методы), С. Милгрэма (на основе эксперимента которого была сформулирована теория шести рукопожатий) и социологов, которые занимались так называемыми структурными исследованиями, применяли теорию графов в своих работах [Freeman, 2004]. На рубеже XX–XXI вв. интерес к феномену появился со стороны математиков и представителей естественных наук (Л. Барабаши, С. Строгац, Д. Уоттс и пр.), которые расширили предметное поле и внесли существенный вклад в совершенствование методологии исследования сетевых структур.

Концептуальные основания сетевой парадигмы кратко могут быть сформулированы следующим образом. Универсум является неоднородным пространством, элементы которого формируют структуры для обмена ресурсами и информацией. Данные структуры определяются как сети, а её элементы – как узлы. Сети, обнаруживаемые не только в обществе, но и в живой природе, являются подвижными и изменчивыми структурами, а также имеют определённое строение (топологию). Позиция узла и характер его отношений с другими узлами детерминируют его существенные свойства.

Важнейшим ключом к познанию сетей является математическое знание, прежде всего, теория графов, способствующая изображению изучаемых структур в виде графов. Отображение сети в виде графа позволяет определить плотность структуры, обнаружить в ней клики, кластеры, центральные узлы и провести систему исследовательских операций (преимущественно с использованием количественных методов), способствующих выявлению закономерностей формирования, функционирования и распада сетевых структур. Для их описания в языке теоретиков сформировался уникальный, отличный от языка других парадигм понятийный аппарат, представленный такими смысловыми единицами как «узел», «плотность», «соединяемость», «центральность», «кластер» и пр.

Границы сетевой парадигмы подвижны и достаточно условны. С одной стороны, парадигма представлена взаимосвязанной группой исследований, где используется специфический для парадигмы язык и методология в рамках сформировавшегося проблемного и предметного поля, а с другой – работами специалистов, частично использующих данные методы для решения конкретных исследовательских задач (т.е. которые используют сетевой подход)¹. Помимо прочего сеть является одним из концептов акторно-сетевой теории, представители которых (Б. Латур, Дж. Ло и пр.) предлагают в качестве узлов рассматривать не только индивидов, как сложилось в сетевых исследованиях, но и объекты материально-предметного мира. Наконец, к представителям парадигмы относят авторов, которые исследуют влияние цифровизации на трансформацию социальных структур, в частности, их перехода от иерархических к горизонтальным (сетевым) формам организации (М. Кастельс и пр.).

Сетевой подход в исследовании религии: основные направления и результаты. В социально-гуманитарных науках в центре внимания сетевых исследователей оказывается широкий спектр объектов, явлений и процессов: от распространения вредных привычек и виртуальной коммуникации до терроризма и международных отношений. Религия также находится в поле зрения учёных, но утверждать о формировании в пределах сетевой парадигмы отдельного направления исследований не приходится: скорее уместно констатировать наличие различных, но слабо связанных работ (прикладных и теоретических; социологических, религиоведческих, политологических, исторических), которые объединяет религия как объект познания. Некоторые авторы даже сетуют на то, что за период 2001–2014 гг. понятие религии вместе со связанными концептуальными единицами фигурировало лишь в 1% статей и книг [Everton, 2015, 2]. Однако относительно невысокий интерес к религиозной проблематике не отменяет того обстоятельства, что учёными получено множество результатов, а также предложен новый ракурс познания религии и перспективное направление развития религиоведческого знания.

Важно обратить внимание на то, что, как отмечают авторы, сетевой подход предполагает новый ракурс для понимания и описания социальных процессов. В случае с религией специалисты могут использовать понятия (метафоры) «заражение» и «информационный поток» для изучения динамики распространения религиозных идей [Wolf, 2016, 51]. Кроме того, интерес для автора представляют не столько конкретные объекты, сколько связи между ними и их положение в структуре в целом. Наконец, сетевой анализ позволяет говорить о конфессиях не как о монолитных образованиях, а как о «сетях запутанных полей с размытыми границами» [Elwert, 2020, 175].

В поле зрения сетевых исследователей оказывается такое явление, как гомофилия. В энциклопедической литературе под ней понимается «принцип социальной организации, в соответствии с которым люди, имеющие сходство, склонны к большему социальному взаимодействию» [Seidel, 2011, 382]. Примечательно, что само понятие гомофилии было введено социологом Р. Мертоном, но именно в рамках сетевой парадигмы оно стало одной из центральных смысловых единиц. Религиозные общины, секты, религиозные партии – яркие примеры сообществ, члены которого объединяются ввиду наличия общих черт. Но внутри религиозных сетей, что примечательно, происходят процессы кластеризации, т.е. формируются небольшие группы (кластеры) по каким-либо другим признакам, прежде всего, национальным, расовым, гендерным. Д. МакКлар, рассматривая гомофилию в религиозных общинах, приходит к выводу, что высокий уровень в них расовой гомофилии способствует закрытию структур. Сообщества, где этот уровень ниже, как правило, более открытые и имеют больше связей с другими общинами [McClure, 2021].

Отметим, что в работе Д. МакКлара не только рассматриваются различные аспекты функционирования религиозных общин, но и рассматриваются явления, оказывающиеся в центре внимания представителей сетевой парадигмы – социальный капитал и «структурные дыры»². Важно подчеркнуть, что в корпусе сетевых исследований религии имеются работы, авторы которых нацелены не столько на расширение представлений о феномене, сколько на решение парадигмальных, «внутренних вопросов» – разрешение сложившихся в парадигме проблем, совершенствование понятийного аппарата, проверку применимости методологии и т.д.

Предметом исследования специалистов становятся также принципы образования и распада религиозных сетей. Авторами, в частности, отмечается, что индивиды чаще всего включаются в структуры в случае, если у них уже есть там друзья и родственники [Everton, 2015, 4]. Кроме того, чем ближе индивид находится к ядру членов общины, тем меньше вероятность его выхода из сообщества [Everton, 2015, 7]. Под ядром сети в данном контексте понимается группа индивидов, тесно связанных друг с другом и имеющих наибольшее влияние на другие узлы сетевой структуры. В таком случае исследователь посредством наблюдения, опроса, анкетирования и других методов может собрать данные и отобразить религиозную структуру в виде графа, обнаружив ядро и периферию сети. Именно в проведении этих исследовательских операций и можно видеть ценность сетевого подхода в познании религиозных структур.

Важным параметром религиозной сети является плотность, который можно определить, разделив число фактических прямых связей всех узлов на максимально возможное их количество. Авторы отмечают, что консервативные религиозные сети, как правило, являются достаточно плотными [Stark, Bainbridge, 1979]. Объяснить это можно тем, что в таких сообществах гораздо проще контролировать поведение их членов. Некоторые исследования демонстрируют, что неодобряемое и аморальное поведение (например, половые связи до брака) в плотных сетях фиксируется ниже, чем в менее сплочённых из-за более высокого уровня контроля со стороны других участников группы [Adamczyk, Felson, 2006]. К этому добавим, что в корпусе сетевых исследований есть работы, где устанавливается взаимосвязь между плотностью религиозной сети и радикальностью её членов [Everton, 2016] (параметры, изучение которых актуализировали теракты 11 сентября).

Сетевыми исследователями устанавливаются взаимосвязи между характеристиками сетевых структур и удовлетворённостью жизни, психическим здоровьем, политической активностью их участников. Так, верующие люди, согласно исследованиям, в большей степени удовлетворены своей жизнью, потому что они регулярно посещают религиозные службы. При этом специалисты связывают это не столько с идейным содержанием конкретного вероучения, сколько с чувством причастности индивида к группе, формированием дружеских связей с другими её представителями [Edling, Rydgren, Bochman, 2014]. Х. Конигом отмечается положительная взаимосвязь между религиозностью и физическим, психическим здоровьем. Помимо прочего, на основе анализа множества работ по проблематике, автором подчёркивается важность получаемой социальной поддержки через единоверцев. Для пожилых людей, к примеру, наиболее распространённым источником поддержки являются именно члены религиозных общин [Koenig, 2012].

Сетевыми исследователями подтверждаются или опровергаются утверждения о религии, выдвинутые ранее в социально-гуманитарных науках. Так, социолог П. Бергман предположил, что религиозность индивидов снижается в обществах с плюрализмом мировоззрений. Коллектив учёных во главе с Р. Крэганом разработал компьютерные модели сетевых структур (с различными соотношениями верующих и не верующих членов) и на основе их анализа фактически подтвердил это предположение. Авторы выявили, что наличие в сетях представителей одной религии будет укреплять веру окружающих, а представителей других – снижать [Cragun, McCaffree, Puga-Gonzalez, 2021].

Сетевой подход также применяется историками религии. Несмотря на ограниченные методологические возможности (прежде всего, дефицит данных), он обладает эвристическим потенциалом в исследовании религиозных процессов прошлого. А. Коллар в книге «Религиозные сети в Римской империи» исследует взаимосвязь между социальными сетями и распространением религии, что позволяет ей объяснить, почему одни учения становятся популярными, а другие – нет [Collar, 2014]. Х. Ким и С. Пфафф, рассматривая распространение протестантизма в Германии, обнаружили, что ключевую роль в этом процессе играли связи между городами и университетами. Учёные выявили, что чем больше студентов отправляется из города в университет, тем более вероятно проведение в первом Реформации [Kim, Pfaf, 2012].

В новом столетии также появились работы, посвящённые религиозным сетям, которые формируются за пределами христианского мира. В сборнике статей под общим названием «Мусульманские сети от хаджа до хип-хопа» [Muslim Networks, 2016] рассматриваются сетевые структуры с момента зарождения ислама и до наших дней. Работа направлена на то, чтобы через анализ сетей (если шире – горизонтальных связей) раскрыть специфику исламского мира, в том числе образуемых в его пределах религиозных сообществ. Другой пример – серия статей в специальном выпуске журнала «Religions», посвящённая возможностям сетевого подхода в исследовании китайских религиозных традиций [Historical Network Analysis, https://www.mdpi.com/journal/religions/special_issues/HNA].

В завершении заметим, что к сетевой парадигме часто относят работы, в которых рассматривается влияние развития интернета на общество. Это во многом обусловлено тем, что в современном лексиконе понятие социальной сети отождест-

вляется с программными продуктами вроде Facebook и Twitter. В контексте исследований религии, например, одним из наиболее цитируемых специалистов является Х. Кэмпбелл [Campbell, 2010], которая изучает трансформацию религиозных процессов в новых социально-технологических реалиях. Однако подчеркнём, что считать данных авторов представителями сетевой парадигмы можно лишь с некоторыми оговорками. Во-первых, они далеко не всегда пользуются сложившимися в сетевых исследованиях языком и методами. Во-вторых, что особенно важно, даже делая предметом познания виртуальную коммуникацию в Facebook, авторы могут вести научные поиски в рамках теории медиа, постмарксизма, теорий информационного общества и прочих исследовательских программ. Вместе с этим цифровизация становится важнейшим стимулом развития сетевой парадигмы, потому данный процесс и его последствия также находятся в фокусе внимания сетевых исследователей.

Заключение

Проведённое исследование эвристического и теоретико-методологического потенциала сетевого подхода в познании религии позволяет сделать нижеприведённые выводы.

1. Корпус работ по религиозной проблематике можно охарактеризовать следующим образом: относительно немногочисленная совокупность слабо связанных между собой исследований (преимущественно статей) различных аспектов религии посредством использования сформировавшихся в рамках сетевой парадигмы понятийного аппарата и методологии. Наблюдается тенденция к увеличению историко-религиозной литературы, где используется сетевой подход, а также исследований, объектом которых становятся религиозные сети, формирующиеся за пределами западных обществ.

2. Сетевые исследования демонстрируют эвристический и теоретико-методологический потенциал в познании религии, но наибольших результатов авторы достигают в случае, если ими в полной мере используется понятийный аппарат и методология сетевой парадигмы. Потому подход применим, в первую очередь, в изучении структурно-организационных и информационных измерений религии, к которым можно отнести распространение религиозных идей, механизмы формирования и распада религиозных сетей, выявление корреляций между характеристиками структур и благосостоянием, психологическим и физическим здоровьем их членов и т.д. При этом подход не способствует существенному расширению представлений о религиозности, вере, сакральном и прочих объектах и явлениях, образующих проблемное ядро философии религии и религиоведения. Следует к этому добавить, что сетевые исследования позволяют раскрыть различные стороны функционирования небольших религиозных групп, т.к. чем меньше рассматриваемая сеть, тем больше данных о ней можно собрать (с увеличением сети и, соответственно, данных, их становится сложнее изучать, особенно в динамике).

3. В рамках сетевой парадигмы труднодостижима разработка теоретической системы, способной раскрыть религию во всех её проявлениях. Скорее, результаты, полученные специалистами и применяемая ими методология должны использоваться в синтезе с другими сформировавшимися в философии и науке исследовательскими стратегиями познания феномена. Преувеличивать возможности сетевого подхода опрометчиво, но и игнорировать его эвристическую ценность видится нецелесообразным (особенно, следует полагать, для социологов религии). По крайней мере, интерес для исследователя должны представлять результаты, подтверждающие или опровергающие сложившиеся в системе социально-гуманитарного знания утверждения о феномене.

В завершении заметим, что на постсоветском пространстве в последнее время появляется немало работ, предметом которых являются сети [Баньковская, 2022; Градосельская, 2014]. Однако на сегодняшний день теоретики скорее пишут о сетевом подходе, нежели используют его для познания религии и общества в целом. С сожалением приходится отмечать, что многие русскоязычные авторы не используют понятийный аппарат и методологию парадигмы, нередко игнорируют полученные зарубежными исследователями результаты.

Исходя из этого, стратегия дальнейшего развития сетевой парадигмы (актуальная в том числе и в контексте изучения религии) может быть сформулирована в виде следующей триады: взаимодействие с англоязычным корпусом трудов, переформатирование (обновление) методологии и ориентация на проведение прикладных исследований. Обращение к англоязычным работам позволит лучше понять проблемное поле парадигмы и познакомить с уже полученными результатами, способными дополнить сложившиеся на постсоветском пространстве системы знания. Переформатирование методологии, выраженное в активном использовании теории графов и количественных методов, обогатит методологический инструментарий и расширит диапазон возможностей специалиста-гуманитария. Наконец, проведение прикладных исследований, предметом которых стали бы конкретные религиозные (если шире – социальные) объекты, процессы и явления, могло бы в полной мере продемонстрировать эвристический и теоретико-методологический потенциал сетевого подхода и расширить представления о процессах в пределах локальных этноконфессиональных и социально-культурных контекстов.

Библиографический список

1. Баньковская, Ю.Л. Социокоммуникативные особенности конфликтного взаимодействия сетевых структур / Ю.Л. Баньковская. – Минск: Респ. ин-т высш. шк., 2022. – 212 с.
2. Градосельская, Г.В. Бизнес-сети в России / Г.В. Градосельская. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. – 588, [1] с.
3. Adamczyk, A. Friends' Religiosity and First Sex / A. Adamczyk, J. Felson // Social Science Research. – 2006. – No. 35. – P. 924–947.
4. Campbell, H. When Religion Meets New Media / H. Campbell. – London: Routledge, 2010. – 232 p.
5. Collar, A. Religious Networks in the Roman Empire. The Spread of New Ideas / A. Collar. – Cambridge: University Press, 2014. – 336 p.
6. Cragun, R. Religious Exiting and Social Networks: Computer Simulations of Religious / R. Cragun, K. McCaffree, I. Puga-Gonzalez et al. // Secularism & Nonreligion. – 2021. – Vol. 10. – No. 2. – P. 1–20.
7. Edling, C. Faith or Social Foci? Religion and Social Networks in Sweden / C. Edling, J. Rydgren, L. Bochman // European Sociological Review. – 2014. – Vol. 30. – No. 5. – P. 615–626.
8. Elwert, F. Social and semantic network analysis in the study of religions / F. Elwert // The Power of Networks, Prospects of Historical Network Research; ed. by F. Kerschbaumer, L. von Keyserlingk-Rehbein et al. – London: Routledge, 2020. – P. 172–186.
9. Everton, S. Networks and Religion: Ties that Bind, Loose, Build Up and Tear Down / S. Everton // Journal of Social Structure. – 2015. – Vol. 16. – No. 10. – 34 p.
10. Everton, S. Social Networks and Religious Violence / S. Everton // Review of Religious Research. – 2016. – Vol. 58. – No. 2. – P. 191–217.
11. Freeman, L. The Development of Social Network Analysis / L. Freeman. – Vancouver: Empirical Press, 2004. – 205 p.
12. Historical Network Analysis in the Study of Chinese Religion [Электронный ресурс] // Religions. – URL: https://www.mdpi.com/journal/religions/special_issues/HNA (дата обращения 19.02.2024).
13. Kim, H. Structure and Dynamics of Religious Insurgency: Students and the Spread of the Reformation / H. Kim, S. Pfaff // American Sociological Review. – 2012. – Vol. 77 (2). – P. 188–215.
14. Koenig, H.G. Religion, Spirituality and Health: The Research and Clinical Implications / H.G. Koenig // International Scholarly Research Network. – 2012. – 33 p.
15. McClure, J.M. Homophily and Social Capital in a Network of Religious Congregations / J.M. McClure // Religious. – 2021. – No. 12 (653). – P. 1–21.
16. Muslim Networks from Hajj to Hip Hop / Ed. by M. Cooke, B. Lawrence. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2005. – 325 p.
17. Seidel, S. Homophily / S. Seidel // Encyclopedia of Social Networks; ed. by G. A. Barnett. – Vol. 1. – Davis: University of California, 2011. – P. 382–384.
18. Stark, R. Of Churches, Sects and Cults: Preliminary Concepts for a Theory of Religious Movements / R. Stark, W.S. Bainbridge // Journal for the Scientific Study of Religion. – 1979. – Vol. 18. – No. 2. – P. 117–133.
19. Wolf, G. Only connect? Network analysis and religious change in the Roman World / G. Wolf // Helade. – 2016. – Vol. 2. – No. 2. – P. 43–58.

*Текст поступил в редакцию 05.08.2024.
Принят к печати 04.09.2024.
Опубликован 27.03.2025.*

¹ Авторы, которые используют сетевой подход, могут быть отнесены к представителям сетевой парадигмы с некоторой долей условности. Во-первых, это делает границы сетевой парадигмы предельно широкими. Во-вторых, авторы, которые используют в работах сетевую методологию, могут работать в рамках других парадигм. Однако в данной работе предлагается включать в сетевую парадигму максимально широкий спектр специалистов, т.к. это, на взгляд автора, позволит лучше продемонстрировать её эвристический и теоретико-методологический потенциал. Также ввиду этого понятия «сетевая парадигма», «сетевой подход» и «сетевые исследования» в работе зачастую используются синонимично.

² В рамках сетевой парадигмы понятие «структурных дыр», введённое социологом Р. Бартом, описывает разрывы или различия в связях между социальными субъектами, наличие которых может привести к получению ими уникальной информации.

References

1. Bankovskaya J. L. *Sotsiokommunikativnye osobennosti konfliktnogo vzaimodeystviya setevykh struktur* [Socio-communicative features of the conflict interaction of network structures]. Minsk: Resp. in-t vyssh. shk., 2022, 212 p. (in Russian).
2. Gradospel'skaya G. V. *Biznes-seti v Rossii* [Business networks in Russia]. Moscow: Izd. dom VSHE, 2014, 588, [1] p. (in Russian).
3. Adamczyk A., Felson J. Friends' Religiosity and First Sex. *Social Science Research*. 2006, no. 35, pp. 924–947.
4. Campbell H. *When Religion Meets New Media*. London: Routledge, 2010, 232 p.
5. Collar A. *Religious Networks in the Roman Empire. The Spread of New Ideas*. Cambridge: University Press, 2014, 336 p.
6. Cragun R., McCaffree K., Puga-Gonzalez I. Religious Exiting and Social Networks: Computer Simulations of Religious. *Secularism & Nonreligion*. 2021, vol. 10, no. 2, pp. 1–20.
7. Edling C., Rydgren J., Bochman L. Faith or Social Foci? Religion and Social Networks in Sweden. *European Sociological Review*. 2014, vol. 30, no. 5, pp. 615–626.
8. Elwert F. Social and semantic network analysis in the study of religions. In: F. Kerschbaumer, L. von Keyserlingk-Rehbein (ed.). *The Power of Networks. Prospects of Historical Network Research*. London: Routledge, 2020, pp. 172–186.
9. Everton S. Networks and Religion: Ties that Bind, Loose, Build Up and Tear Down. *Journal of Social Structure*. 2015, vol. 16, no. 10, 34 p.
10. Everton S. Social Networks and Religious Violence. *Review of Religious Research*. 2016, vol. 58, no. 2, pp. 191–217.
11. Freeman L. *The Development of Social Network Analysis*. Vancouver: Empirical Press, 2004, 205 p.
12. *Historical Network Analysis in the Study of Chinese Religion*. Available at: https://www.mdpi.com/journal/religions/special_issues/HNA (accessed on February 19, 2024).
13. Kim H., Pfaff S. Structure and Dynamics of Religious Insurgency: Students and the Spread of the Reformation. *American Sociological Review*. 2012, vol. 77, no. 2, pp. 188–215.
14. Koenig H.G. Religion, Spirituality and Health: The Research and Clinical Implications. *International Scholarly Research Network*. 2012, 33 p.
15. McClure J. M. Homophily and Social Capital in a Network of Religious Congregations. *Religious*. 2021, no. 12 (653), pp. 1–21.
16. *Muslim Networks from Hajj to Hip Hop*. Ed. by M. Cooke, B. Lawrence. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2005, 325 p.
17. Seidel S. *Homophily*. Encyclopedia of Social Networks. Ed. by G.A. Barnett. Davis: University of California, 2011, vol. 1, pp. 382–384.
18. Stark R., Bainbridge W. S. Of Churches, Sects and Cults: Preliminary Concepts for a Theory of Religious Movements. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1979, vol. 18, no. 2, pp. 117–133.
19. Wolf G. Only connect? Network analysis and religious change in the Roman World. *Helade*. 2016, vol. 2, no. 2, pp. 43–58.

*Submitted for publication: August 5, 2024.
Accepted for publication: September 4, 2024.
Published: March 27, 2025.*